

Разбитые окна

Глобализация и постглобализация: человечество переживает кризис социокосмоса

Александр Иванович Неклесса

руководитель Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия»

Одним из первых шагов к обновлению миропорядка стали советско-американские переговоры 1967 года на высшем уровне. Президент США Линдон Джонсон (справа) и председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин на встрече в Гласборо. Фото из Библиотеки им. Линдона Б. Джонсона

Если бы Бог жил на земле, Ему побили бы окна.

Пословица

Теория разбитых окон гласит: если кто-то разбил стекло в доме и никто не вставил новое, то вскоре ни одного целого окна в доме не останется. А потом начнется мародерство.

Новое мироустройство

Мы должны быть открытыми перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует национальным интересам, – например, при уничтожении иракской военной машины и саддамовского государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор.

Стивен Манн

Наше время – время транзита, как в России, так и за ее пределами.

Ялтинский (1945) / неоялтинский (1992) миропорядок, установивший границы влияния, правила силовых игр и расчертивший Европу на геополитические зоны, взломан, сломан и уходит в прошлое. В динамичной, многолюдной, многоэтажной вселенной складывается стандарт знания и действия, основанный на восприятии ее как перманентно транзитной реальности. Это, конечно, непривычный взгляд на окружающий мир. Отсюда императив серьезного обновления методов политической акции и социального очарования.

Изменение взгляда на социокосмос напоминает ревизию представлений о мире физическом, произошедшую на заре прошлого столетия под влиянием теории относительности и постулатов квантовой физики. Антропологическая галактика перестает восприниматься как шахматная доска, где одна сбалансированная комбинация состязается с другой, следуя неизменным правилам игры. Достижение длительного равновесия представляется все более сомнительным: планетарное сообщество напоминает перегретый водяной котел, подняв крышку которого видишь диффузный мир – подвижный, многочисленный, склонный к турбулентности.

Распространенные представления о состоянии социосферы – в большинстве случаев редукция актуального положения вещей (ср.: «понять – значит упростить»), а попытки прогнозирования по футурологическим лекалам уязвимы и малоэффективны. Человек расстается с идеалом машины и отворачивается от механической формулы совершенства. Глобальное сообщество демонстрирует черты сверхсложной системы – такой как погода, жизнь мозга или финансы: бытие сопряжено с риском предельных состояний и вероятностью обвальных следствий. Именно поэтому в политанализ все чаще проникают концепты хаососложности, диссипативных структур, высокоадаптивных систем как наиболее адекватные складывающемуся мироустройству.

Одно из ключевых свойств нынешней эволюции – нелинейность антропологического космоса, когда итог событий плохо предсказуем, равно как точные характеристики перемен, поскольку лавинообразные следствия в сложном мире может вызывать небольшое изменение параметров. В результате субъекты действия не просто умножаются в числе, но обретают иной ранг. Причем эффект акции в «предприятии на полном ходу» (Герберт Уэллс) зависит не столько от суммы усилий, сколько от удачной позиции, точности, уместности и своевременности действия. Иными словами, от когерентности потоку перемен: совпадения с силовыми линиями многоуровневой системы, фокусируемой и форсируемой идеологическими, психологическими, культурными, мировоззренческими, метафизическими аттракторами.

Это если действовать изнутри системы, а не за счет распределенного множества контрагентов или посредством собственного аттрактора.

Изменение ментальности существенно влияет на прописи практики. Дисциплинарное, формальное (то есть отчуждаемое) знание дополняется и замещается знанием трансдисциплинарным, персонализированным, умениями, сноровкой, не отчуждаемыми от субъекта действиями или искусствами.

Новый шаблон – тетраметрица знания – описывает четыре состояния:

- рациональное и отчуждаемое от создателя: формальное, дисциплинарное знание, наука;
- рациональное и неотчуждаемое: мастерство как персональное искусство оценки явлений и обстоятельств, экспертиза;
- нерациональное и отчуждаемое: объекты творчества, художественные артефакты;
- нерациональное и неотчуждаемое, манифестацией чего является субъект сам по себе.

Логика постсовременности не вполне совпадает с ментальностью современного человека, что, однако, не влечет отказа от рациональности. Явления микромира тоже смущают сознание, но теория квантовой механики вполне рациональна. Смысловый кризис и расхождения в аксиологии ведут к серьезным изменениям в моделях мышления/поведения и формулированию начал новой рациональности.

От фабрик мысли к интеллектуальным корпорациям

Наука не способна создавать цели. Еще менее – воспитывать их в человеке. В лучшем случае наука может предоставить средства к достижению определенных целей. Но сами цели порождаются людьми с высокими этическими идеалами. И если эти цели не мертворожденные, а обладают жизненной силой, их принимают и осуществляют те массы людей, которые полусознательно определяют медленную эволюцию общества.

Альберт Эйнштейн

Фабрики мысли (think tanks) – феноменология научных институтов, реализованная в прошлом столетии.

В XX веке происходит индустриализация науки, развитие прикладного, технологического ее аспекта. Складывается феномен технонауки, который распространяется в практике, обосновывается теоретически и получает статусное закрепление.

Возникает значимый научно-инженерный корпус и новый тип исследовательского заведения: военно-промышленная лаборатория (в России – КБ, «шарашки», закрытые города), продемонстрировавшая эффективность и социальный потенциал. В США процесс протекал в русле проектного подхода, примеры тому – «Манхэттенский проект», впоследствии – проект «Аполлон»; в России таким стержнем был атомно-космический проект, а социальной ипостасью – система «Академия наук», затем футуристичный замысел «академических городков».

Фабрики мысли, работающие в сфере активного представления нефизических систем и структур, – американское достижение: к рубежу 60–70-х годов интеллектуальные предприятия в США исчислялись сотнями. В проектно-аналитической работе использовался опыт крупномасштабных боевых/логистических операций, осуществленных на глобальном театре военных действий. Исследовательская активность в той или иной мере была связана с национальной безопасностью, планированием внешней и внутренней политики, общественным мнением, деятельностью вооруженных сил, организацией бизнеса, социальными и региональными инициативами, ситуационным анализом и прогнозом, критическими технологиями.

Параллельно с развитием интеллектуальных предприятий отчасти деградирует принцип публичности обретаемого знания. Научные исследования, аналитическая работа нередко сопряжены с коммерческой тайной и национальной безопасностью. Политическая и военная аналитика, как и венчурные разработки корпораций, тяготеют к секретности, специфическому неозотеризму, порой – прямому сокрытию достижений и даже направлений исследований.

Интеллект прагматизируется и капитализируется. В соответствии с заново прочитанными заветами неокантианцев философия преобразуется в методологию, знание – в технологию и товар. Мир движется от вещи к знаку, от семантики к цифровому измерению. Лидирует не теория, но проект, не наука, но аналитика. Исследуется не реальность *per se*, а ее практическая аппликация, о «реальности вообще» – мы рассуждаем, дискурсируем.

Кроме того, создается характерный субпродукт – симулякр как виртуальная личина социального знания. Путем деформации образа реальности, асимметричной обработки данных – гипертрофии одних составляющих и подавления других – формируется инструментальная система мифов и стереотипов. Тем, кто жил при советской власти, наличие подобных тенденций нетрудно почувствовать и понять.

В известной мере фабрики мысли, породившие отрасль интеллектуальных корпораций, есть властный дискурс интеллектуального класса: механизм формулирования и утверждения его идей. Аналитические предприятия, занимаясь социогуманитарной проблематикой, сливаются с инфраструктурой влиятельных советов и закрытых клубов, чья предметная область – сдвиги в организации послевоенного мироустройства, геоэкономическое проектирование, моделирование мировых контролирующих, регулирующих, исполнительных органов в политической экономической, финансовой, культурной областях.

Карибский кризис привел к переосмыслению характера глобальных угроз. Рост арсеналов ядерного оружия в условиях биполярного противостояния поставил на повестку дня контроль над оружием массового уничтожения и перестройку мирового порядка. Обсуждение проблемы проходило во влиятельном Совете по международным отношениям (CFR), а первые практические шаги сделал президент США Линдон Джонсон, заявивший осенью 1966 года о намерении приложить усилия к долгосрочному укреплению взаимосвязей – строительству моста между Западом и Востоком. Фактически это было инициацией политики разрядки.

Вскоре последовали поездка Макджорджа Банди, советника президента США, по пяти европейским странам, включая СССР, и встреча Линдона Джонсона с советским премьером Алексеем Косыгиным (большей частью с глазу на глаз) летом 1967 года на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном – в местечке Гласборо. Тем самым был иницирован долгосрочный переговорный процесс по разрядке международной напряженности, ограничению и сокращению стратегических вооружений, выстраиванию инфраструктуры взаимоотношений между двумя странами. Следующая, но так и не состоявшаяся встреча намечалась на август 1968 года. Тем не менее процесс перестройки миропорядка был запущен.

Были созданы переговорные площадки, учреждены международные и национальные организации, занятые глобальной пасификацией, намечены контуры систем регионального и глобального контроля. А также основаны неправительственные институты (Международный институт системного анализа, Римский клуб, Институт перспективных исследований), в которых велась концептуальная разведка мировой динамики, исследовалась глобальная проблематика, развивался междисциплинарный подход с акцентом на активное представление будущего, что, конечно, влияло на механику новейшей истории.

Соединенные разделенные миры

Глядя на сломанный мост, кто-то думает о смерти, а кто-то – о том, как его перейти.

Аркадий Райкин

Междисциплинарное знание и транснациональное мироустройство имеют между собой нечто общее.

К 60–70-м годам прошлого века накопился опыт работы над крупномасштабными, долгосрочными замыслами, политическими, экономическими, военными, космическими проектами, связанными, в частности, с пространственным развитием. Представление будущего мироустройства обретало форму плановой задачи, сформулированной в соответствии с общей теорией систем, но реализовывалось оно также в рамках иных подходов. Что, в свою очередь, вело к усложнению профессиональной рефлексии, ощутившей вкус междисциплинарности, долгосрочности, масштабности глобального гештальта. И заодно способствовало утверждению нормативного прогнозирования, при котором определяется желаемый облик будущего, а затем осуществляется целенаправленное, пошаговое сближение с ним. Кстати, для России/СССР идея нормативного прогнозирования была вполне привычна, являлась обычной практикой как в форме генеральной установки на строительство нового общества, так и промежуточных ее этапов: пятилетних планов. Нормативный подход, в свою очередь, ведет к изменению взгляда на будущее, которое рассматривается как последовательность возникающих проблем, а задача прогнозирования видится в их опознании и поиску путей разрешения.

Интерес к теме деятельного прогнозирования становился все заметнее: в 60-е годы Организация экономического сотрудничества и развития провела исследование вопроса, а Белый дом и Совет по международным отношениям иницировали серию дискуссий по дальней границе американской и мировой истории. Тогда же Збигнев Бжезинский формулирует тезис о стратегической цели Запада: создании системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов, базирующейся на принципах трансформации политической культуры в направлении господства элиты; формировании региональной и наднациональной власти путем сплочения развитых стран; образовании сообщества ведущих государств мира.

В 1973 году создается Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных персон и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. В июле того же года в Хельсинки открывается Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе; его заключительный акт был подписан спустя два года. И тогда же, в 1975 году, возникает новый мировой регулирующий орган – G7 (на тот момент G6).

Последовали прогностические доклады Римскому клубу, включая знаменитые «Пределы роста», разработка и применение Международным валютным фондом и Всемирным банком программ структурной адаптации и финансовой стабилизации, сыгравших на пороге 80-х заметную роль в разрешении банковского кризиса и регулировании финансово-экономической практики в развивающихся странах. Были заключены соглашения сначала по контролю, а затем ограничению стратегических и ядерных вооружений.

Драматические события конца столетия отразили кризис социокосмоса, а крах СССР знаменовал финал прежней формулы биполярного мироустройства. Поражение коммунистической программы предопределило дебаты о глобальной революции, о конце истории как торжество североатлантического мира, гражданского общества, институтов демократии, либеральных идей. Тем временем в глобальном казино стало ощутимым присутствие новых игроков: Китая, совокупности исламских стран и сообществ. Реабилитированная история обретала затейливую маршрутизацию...

Глобализация – продукт давних представлений и утопий, но также – генератор высоких политических технологий, институций будущего, нового типа личности. Мондиализм имеет глубокие корни, однако с умножением субъектов действия расширяются и зоны конфликтности, стартует новая регионализация, усиливается конкуренция национальных и транснациональных организмов, корпоративных предприятий, слабо формализованных облачных структур – все это симптомы полифонического общества, инкорпорирующего энергии динамического хаоса.

Параллельно с унификацией мироустройства происходит расслоение жителей Земли по геоэкономическим ареалам и социальным этажам. На планете умножаются элементы постсовременного декора, но и реалии эпохи модернити соприисутствуют на исторических подмостках. Признаки диахронного конфликта наблюдаются как в новообразованных, так и в порожденных еще эпохой Просвещения институтах. Форсаж переустройства, рост ставок в глобальном казино, метастазы мирового андеграунда – отзвуки родовых мук беспокойного зона, не слишком соответствующего большинству футурологических прогнозов.

Духи постсовременности и неоархаизации, соприисутствуя «в одном флаконе», иницируют разные цивилизационные программы. Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует Большой социальный взрыв, способный расколоть планету людей, произвести поток астероидных вестников рассредоточенной, мультивекторной эрозии. Триггером вселенского цунами может стать серьезное потрясение обретенного за послевоенный период равновесия: террористическая акция с применением средств массового поражения, удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, универсальная пандемия...

Растет список исследований, в которых анализируется трансгрессия цивилизации, толкуются изменения в политэкономическом, правовом устройстве, предлагаются концепты и рецепты, способные, по мнению авторов, интегрировать расфокусированное прогностическое зрение, прояснив маршрут истории. В сфере внимания не только трансформация властных либо экономических механизмов, но и перемены в социальных связях, генезис экзотичных популяций, повестка элитных групп, их иерархия, конфигурации.

Наряду с вниманием к феноменологии жизни на краю хаоса и альтернативным сценариям общежития нас интересуют пути преодоления кризиса ментальности, инновационная методология познания/действия в беспокойных землях: что делать при избытии рисков в мирах с изменяемой геометрией и несовпадающей скоростью социального времени? Речь идет также о высоких гуманитарных/социальных технологиях, основанных на новой рациональности, на творческой реконструкции, синергичном мышлении, потоковых моделях социума.

Генезис, статус, прогноз перемен связаны с судьбой институтов и персонажей, которые создают новый инструментарий, причем ответственность за результат, затруднительная в институциональных категориях, переходит на уровень конкретной личности, принимающей решение.

Востребованной оказалась и культурно-метафизическая основа практики: мыслительная/мировоззренческая позиция, позволяющая противостоять шоку перемен, мультикультурной эклектике, моральной дезориентации, интеллектуальной оторопи. Позиция, заняв которую можно пытаться преодолеть нищету растерянного сознания, постигая социальные горизонты и интеллектуальную high frontier.